

Азбелев П.П.

(г. С-Петербург, Россия)

Таштыкский пояс

Общие замечания. Систематика

Поясные наборы (прежде всего пряжки) культуры таштыкских склепов, «могил с бюстовыми масками» по терминологии С.А. Теплоухова, классифицировались дважды. Впервые – Л.Р. Кызласовым, сопрягавшим деление пряжек с конструктивными вариантами склепов (Кызласов Л.Р., 1960, с.36-40), затем – Э.Б. Вадецкой, учитывавшей корреляции типов пряжек с иными категориями инвентаря (Вадецкая Э.Б., 1999, с.122-125). Не разбирая эти системы детально, замечу, что обе они основаны на очевидном разделении язычковых и шпеньковых пряжек; вопрос о соотношении этих групп в обеих системах решён одинаково: шпеньковые считаются более ранними. Между тем в ряде случаев те и другие пряжки найдены в одних и тех же комплексах, а закономерная смена шпеньковых пряжек язычковыми – слишком общее правило, чтобы строить на нём относительную хронологию внутри сравнительно короткого промежутка времени. Расхождения авторов сводятся к тому, на чьё мнение опираться при абсолютном датировании: Л.Р. Кызласов развивал идеи С.В. Киселёва и относил все таштыкские пряжки (а с ними и склепы) к первой половине I тыс. н.э.; Э.Б. Вадецкая вслед за А.К. Амброзом датировала язычковые пряжки VI-VII вв., а шпеньковые – предшествующими веками. Ни происхождение, ни принципы типобразования таштыкской фурнитуры этими авторами не исследовались. Учитывая многолетние наработки и новые материалы, я считаю возможным предложить уточнения и поправки к систематике, аналогиям и датировкам таштыкских поясных принадлежностей, определяющие новый взгляд на феномен таштыкского пояса.

Таштыкские пояса известны по серийным находкам погребальных моделей, а также по редким функциональным изделиям и изображениям. Вотивные имитации до мелочей копируют бытовые вещи, так что привлечение моделей к типологическому разбору вполне допустимо. Единственный полный набор (Уйбат I, скл.№5) относится к типу симметричных, с оформлением ленты, не отличающимся от фронтальной части (о типологии поясов см.: Азбелев П.П., 2008в). Достоверно поясные пряжки – всегда шпеньковые; металл – либо медь (иногда с незначительной примесью олова или олова и свинца), либо оловянистая бронза (благодарю за консультацию С.В. Хаврина, по моей просьбе предварительно изучившего таштыкские бронзы эрмитажной коллекции).

В основе наборов – двурамчатые цельнолитые пряжки и накладки (рис.1 – 1-4); есть единичные экземпляры с тремя рамками (Король Г.Г., 2008, с.322, табл. XL – 50, 51, рис. из альбома В.В. Радлова). Найдены обкладки поясных принадлежностей из золотой фольги (рис.1 – 8; рис.2 – 3); на бронзовых накладках и пряжках золотая фольга не встречена, кажется, ни разу; видимо, ею украшались изделия из дерева или плотной кожи. Во всех известных случаях в просветы рамок вписаны ажурные симметричные волюты.

Между основными накладками размещались «вставки» – малые накладки с боковыми рамками, с волютами или без них (рис.1 – 5-7). Известны детали набора, включавшего оригинальные накладки со «вставками», прилитыми к среднему щитку двурамчатых накладок (рис.1 – 9; ММ № А8468; спасибо за содействие Н.В. Леонтьеву). «Вставки» как бы предназначены для подвешивания к поясу каких-то предметов – ни разу, однако, не найденных. Видимо, «вставки» были чисто декоративны, и пояса типа уйбатского можно условно именовать «парадными».

Пряжки и накладки других типов не могут быть однозначно связаны с «парадным» поясом из двурамчатых элементов; либо они использовались вообще не на поясе, либо существовал и другой тип пояса, без двурамчатых элементов с волютами, не «парадный», но функциональный.

Некоторые находки (Король Г.Г., 2008, с.322, табл. XL – 26, 32, рис. из альбома В.В. Радлова) позволяют предполагать, что «парадные» наборы не были столь

стандартизированы, как может показаться при знакомстве с серийными двурамчатыми накладками; но это беспаспортные вещи, и нужно лишь отметить вероятность бытования разных вариантов «парадных» поясов. Эти вещи могли относиться не к собственно поясу, а к портупьям (по аналогии с крестовидными распределителями, см. Азбелев П.П., 2008г).

Элементы таштыкских пряжек, т.е. рамки и щитки, разнообразны, но сочетаются весьма свободно. Это обесмысливает общее иерархическое классифицирование пряжек; их разнообразие лучше представить в виде таблицы, отражающей встречаемость типов рамок и щитков в конкретных вещах (рис.2). Публикуемая таблица сокращена за счёт дробности деления щитков по декору и крепёжу, и в неё не включены «вставки», иначе она заняла бы слишком много места. Таблица показывает прежде всего сам принцип оптимальной систематики таштыкских пряжек; её удобно дополнять вновь обнаруживаемыми версиями рамок и щитков, и в ней легко отразить все способы компоновки таштыкских типов, группируя их согласно задачам конкретного исследования.

Эта таблица и комментируется ниже. Основное внимание уделено вопросам общей хронологии, происхождению основных форм и композиции таштыкского пояса в контексте общей типологии фурнитуры. Опущен разбор декора щитков, более уместный в исследовании компонентного состава культуры таштыкских склепов. Цельнолитым изделиям с хуннскими элементами в декоре посвящена специальная работа (Азбелев П.П., 2008б).

1. Морфология таштыкской фурнитуры

Язычковые пряжки и даты.

Рамки язычковых пряжек – В-образные, округлые и подпрямоугольные; другие формы единичны. Щитки – почти всегда пластинчатые на шарнире, часто с заклёпками. Пряжки в основном мелкие, вряд ли все они годились для застёгивания поясов; их могли использовать и на подвесных ремешках, сумках, обуви и т.п., или в конской узде.

Именно благодаря разработанной хронологии язычковых пряжек удаётся датировать таштыкские склепы. Раньше Л.Р. Кызласов искал таким пряжкам сарматские аналоги начала н.э. (Кызласов Л.Р., 1960, с.125), но он сравнивал вещи без учёта деталей. Позднее А.К. Амброз синхронизировал таштыкские В-образные рамки с европейскими «геральдическими» VII в. (Амброз А.К., 1971, с.120-121). Выводы А.К. Амброза всецело приняла Э.Б. Вадецкая (1999, с. 122), но они нуждаются в уточнениях, ведь история таких пряжек началась задолго до VII в. С ранними В-образными рамками таштыкские сближаются по мелкой огранке рамок, сетчатой гравировке их оснований, иногда хоботковым язычкам; ранний признак – и пластинчатые щитки-обоймы с крупными заклёпками (Азбелев П.П., 2008а, с.65, рис.4 – 1-5 vs 7-11; здесь и ниже vs – лат. *versus*, 'против' – разделяет сопоставляемые группы рисунков). При этом таштыкские рамки уже имеют ряд черт, более типичных для пряжек VII-VIII вв.: разомкнутые рамки с выделенной осью; «отогнутые» наружу основания рамок; крупная огранка; уплощённое, близкое к пластинчатому сечению (Азбелев П.П., 2008а, с.65, рис.4 – 6-11 vs 12-15).

Ранние пряжки, типологически предшествующие таштыкским, датируются IV-V вв.; поздние, в т.ч. геральдического стиля, условно «наследующие» таштыкским типам, – VII-VIII вв.; значит, таштыкские пряжки с В-образными рамками относятся к варианту, бытовавшему в V-VI вв. – вероятно, в раннетюркской культурной среде, известной пока лишь «в отражениях», по её влияниям на другие народы.

Ища место таштыкским В-образным рамкам в этом интервале, надо учесть их распределение по памятникам. В отличие от «стандартных» цельнолитых пряжек, шарнирные со сложными рамками распространены очень узко: все они (как и конструктивно близкие пряжки с округлыми разомкнутыми рамками и выделенной осью) – с расположенных недалеко один от другого Изыхского, Сырского, Уйбатского чаатасов. В тех же комплексах сосредоточены пластинчатые щитки с крупными заклёпками (с ранними инокультурными аналогиями) и цельнолитые пряжки с плоской скобой (типогенетически ранние, см. ниже). Учитывая исходную инородность всех этих типов для минусинских культур и малочисленность находок, можно считать эту ограниченность не только локальной, но и хронологической, а именно ранней: эти типы были единожды занесены на Средний Енисей, и бытовали они здесь недолго. Среди прочего, отсюда следует и то, что две основные

группы таштыкских пряжек не сменяли одна другую (как предполагалось в хронологических системах Л.Р. Кызласова и Э.Б. Вадецкой), а появились на Енисее одновременно. С учётом исторических обстоятельств нужно заключить, что в таштыкских типах отражены формы, сложившиеся вне Минусинской котловины и принесённые сюда кыргызами-цигу вскоре после 460 г. (подробнее: Азбелев П.П., 2008а, д).

Шпеньковые пряжки с Т-образным просветом рамки.

Разнообразие таштыкских шпеньковых рамок сводится к трём основным типам – с Т-образным просветом, с волютами и простым (рис.3).

Рамки с Т-образным просветом образуют две основные подгруппы.

Первая – «стандартные» овальные рамки с гладкими или «зубчатыми» щитками (большинство находок; рис.2 – 7, рис.3а – 1-3). Шпеньковые цельнолитые пряжки с такими рамками считаются характерным таштыкским типом, но близкие вещи есть в Туве и на Алтае (рис.3а – 4, 5), т.е. таштыкские находки – лишь самая многочисленная часть широкого массива. Важен рудимент язычковых пряжек – нефункциональная дополнительная прорезь в основании рамки. Эта прорезь, благодаря которой просвет и становится Т-образным, позволяет указать прототипы специфических таштыкских изделий: рамчатые овально-трапециевидные язычковые пряжки, характерные для памятников рубежа эр – первых вв. н.э., преимущественно на западе степей и в Европе (подробно о них ниже). Особость таштыкских типов – в том, что облик *язычковых* овально-трапециевидных рамчатых пряжек имитируется пряжками *шпеньковыми*: люди, привыкшие к архаичным шпеньковым пряжкам, знакомыми средствами воспроизвели в цельнолитых изделиях инокультурную композицию из язычковой пряжки и наконечника либо шарнирного щитка. Эта схема верна для всех цельнолитых таштыкских пряжек независимо от формы рамки (Азбелев П.П., 1992). Перпендикулярные скобы, добавление которых завершает типогенетический процесс, имеют возможные местные прототипы: точно так же крепились на ремне т.н. «ложечковидные застёжки», обычные в азиатских памятниках хуннского времени.

Пока не вполне понятны вещи из колл. И.А. Лопатина – как бы «недоделанные» пряжки без шпеньков и крепёжных скоб (рис.3а – 3; ГЭ ОАБЕС №№ 5531/1379, 1380) – модели или заготовки функциональных пряжек или бесшпеньковых рамок.

Об округлощитковых пряжках с такими рамками (рис.2 – 6) см.: Азбелев П.П., 2008б, с.69-70.

Вторая подгруппа – сравнительно редкие трапециевидные рамки с вогнутыми сторонами, с Т-образным просветом или простые (рис.2 – 8-11, рис.3б – 6-13). Этот тип не следует путать с хуннскими трапециевидными рамками, имевшими прямые стороны (Давыдова А.В., 1985, с.106, рис.XIII – 23) или с таштыкскими прямоугольными (рис.2 – 17, 18): типобразующий признак в нашем случае – «вогнутость» сторон и «оттянутость» углов рамки (иногда слабые, как на рис.3б – 9, 15). Л.Р. Кызласов включил эти рамки в свои типы 5-6, заметив, что они «являются специфично таштыкскими и не имеют себе аналогий» (Кызласов Л.Р., 1960, с.125). Аналогий, однако, достаточно, если рассматривать вместе идентичные рамки и цельнолитых, и шарнирных пряжек. Близкие аналоги с шарнирными щитками – в могилах кокэльской культуры в Туве (рис.3б – 14, 15), а более ранние, серийные, разных пропорций – в комплексах рубежа эр и начала н.э. в разнокультурных европейских памятниках (рис.3б – 1-4); наряду со шпеньковыми бытовали и язычковые пряжки с теми же рамками. «Именно в это время римским влиянием охватывается практически вся Европа» (Щукин М.Б., 1991, с.101), и может быть, причиной распространения данного типа было римское давление на варваров. Такие рамки распространяются широко – на юге, например, до Йемена (язычковый экземпляр, см. рис.3б – 5; Breton J.-F. etc., 1993, p.32 и Pl. 30. fig. 92; спасибо М.М. Казанскому за литературу и консультацию), на востоке – как видно из обсуждаемых находок, до Южной Сибири и Центральной Азии. Позднее близкие рамки встречаются на пряжках геральдического стиля.

Динамика движения этих рамок на восток неясна. Возможно, прямые повторения западных типов типологически, а то и хронологически старше пряжек, имеющих такие же рамки, но уже с характерными местными признаками – Т-образным просветом рамки и насечками на цельнолитых щитках (рис.3б – 8, 11, 13): чужой тип переоформлен в духе

местной тенденции. О соотношении минусинских и тувинских находок можно заметить, что если таштыкские (или «прото-таштыкские») мастера переосмыслили чужой тип, то кокзельские ограничивались его воспроизведением.

Таштыкские пряжки с трапециевидными рамками различаются и по способу крепления: плоской или перпендикулярной скобой (рис.3б – 8, 13 vs 11). Плоские скобы – рудимент крепежа инокультурных сложнорамчатых прототипов – типогенетически предшествуют «стандартным» перпендикулярным, и не исключено, что наличие в склепе пряжки с плоской скобой указывает на вероятность его сравнительно ранней даты.

Кроме этих двух типов, есть несколько цельнолитых изделий с простыми рамками-колечками без волют или Т-образной прорези – например, поясная «вставка» для подвески (Быстрая II); такие же колечки прилиты к нетипичным двурамчатым накладкам из Минусинского музея (рис.1 – 7, 9), поэтому можно думать, что и пряжка с такой кольчатой рамкой (рис.2 – 15) использовалась с подвесным ремешком (см. об этом в Заключение этой статьи; также см. рис. из альбома Радлова: Король Г.Г., 2008, с.322, табл.XL – 32). Рамки близкой схемы есть в фоминских материалах (Ширин Ю.В., 2003, с.224, табл. LX – 11), но у них усложнён контур просвета; эти аналогии требуют отдельного изучения.

Пряжки с волютами и т.н. «корейские аналогии».

Есть мнение, по которому таштыкские пояса – подражание корейским. В таких случаях ссылаются на А.К. Амброза, но это ошибка восприятия, возникшая из-за крайне сжатого изложения в статье 1971 г. (подробно: Азбелев П.П., 2008д, с.464 и прим. 16 на с.467-468; другие примеры неверного прочтения аргументов данного автора разобраны им самим, Амброз А.К., 1989, с.67-69). Вместо изучения форм лишь замечают ажурные волюты, чем и ограничивается сравнение; когда-то эту ошибку повторил и я (Азбелев П.П., 1993, с.91). Но такие волюты известны очень широко и сами по себе межкультурной связи не определяют. Чтобы проверить сопоставимость таштыкских поясов с корейскими, нужно, во-первых, сравнить их волютовый декор в широком контексте аналогий и коррелирующих типов, а во-вторых, учесть композиции наборов.

Волюты – функционально-декоративный элемент: они изящно заполняют просвет рамки и притом фиксируют ремень, не позволяя ему при ослаблении натяжения соскочить со шпенька или, наоборот, сползти к основанию язычка – в зависимости от того, какой тип фиксации ремня используется. Этот приём имеет большой круг аналогий, рассматриваемый ниже от западных проявлений к восточным. Всюду налицо одна и та же тенденция – модифицируется заполнение просвета; это происходило везде по-своему, и в этой разнице – ключ к пониманию истории данного признака. В отличие от простой типологии, типогенетический анализ предполагает классифицирование не только вещей, но и способов их трансформации, причём не простейших, вроде общераспространённого скручивания волют в колечки, а сложных, влияющих на общую конфигурацию вещей или декора.

а) Западные волюты язычковых пряжек.

Европейские образцы начала н.э. (рис.4а – 1-3) – на разнокультурных язычковых пряжках с шарнирными щитками; волюты, играя роль функционального фиксатора, «перемещались» с рамки на язычок, образуя нечто вроде «лилии» (показательны пряжки с волютами одновременно в рамке и на язычке), и деградировали, превращаясь в простую поперечину, язычковую перекладинку. Недолгая история таких типов довольно сложна: это эклектичный сплав разных по происхождению традиций поясов и декора. Не вдаваясь в детальный разбор этой типогенетической коллизии, отмечу лишь один из её аспектов. Пряжки – язычковые, но волютовое заполнение просвета – наследие шпеньковых пряжек, где ремень не закрывает просвет рамки, и его имеет смысл украшать; на язычковых пряжках всё изящество волют оказывалось под ремнём, и бессмысленно сложный элемент уступил место простой поперечине (рис.4а – 4, 5), стержневой или пластинчатой. Перекладинки бывают и на пряжках с короткими язычками, где нужды в них уже нет – то есть воспроизводятся рудиментарно и лишь заполняют просвет рамки (рис.4а – 6-7).

Поздние проявления этой версии встречаются довольно широко – видимо, язычок с фиксатором показался удачной формой. Редуцированные волюты или перекладинки на язычках бытуют до конца I тыс. н.э. (напр., Кулаков В.И., 1990, с.100, табл. VI – 6; с.109, табл.

XV – 2, 3, 6; с.110, табл. XVI – 1, 4). Мне известна и минусинская пряжка такого рода (с креплением язычка как на Изыхе (ср. Кызласов Л.Р., 1960, с.38, рис.8 – 1), показывающая развитие типа (рис.4а – 8; сборки на о.Гладком; частная коллекция). С таштыкскими традициями этот вариант заполнения просвета рамки не связан.

б) Волюты и длиннорамчатые пряжки.

Среди ранних пряжек с волютами – вариант европейских длиннорамчатых овально-трапециевидных пряжек (т.н. «тип С по Раддату»). Разные версии – с волютами или без них, с язычком на заднем крае, на выделенной оси или на вертлюге – бытовали параллельно, так что нужно говорить в целом об истории пряжек этой группы, с волютами или без них, с выделенной осью или без неё. Важный признак типа – чёткий угол просвета между овальной и трапециевидной частями. Именно эти рамки прототипичны для таштыкских пряжек (Азбелев П.П., 1992; 2008б, с.69). Распространение их маркируется находками в Центральной и Восточной Европе, включая Северный Кавказ (рис.4б – 1-4), в Приуралье (рис.4б – 5; благодарю А.А. Краснопёрова, указавшего мне эту находку), далее – в Орлатском (рис.4б – 6, 6а), Балыктыюльском (рис.4б – 7-9, западный импорт?), Усть-Абинском (рис.4б – 10; по: Ширин Ю.В., 2003, с.224, табл. LX – 6), Кокэльском (рис.4б – 11) могильниках, на Среднем Енисее (рис.4б – 12, 13; по: Тетерин Ю.В., 1999, рис. 2 – 6, 7). Ещё сводку таких пряжек из Южной Сибири см.: Николаев Н.Н., 2000, с.72-75 (NB: автор путает их с длинными петлеобразными; близкие по общим пропорциям, они весьма разнятся типологически и по истории форм). Самые восточные экземпляры – в Корее (рис.4б – 14).

Если серийные (Raddatz K. 1957, Karten №№ 2, 3, 6) европейские находки пряжек хорошо датированы рубежом эр – началом н.э., а орлатская – позднесарматским временем (по сопутствующим находкам и реалиям гравированных миниатюр поясного набора), то редкие дальневосточные – уже серединой I тыс. н.э. (по жёстким привязкам к письменной истории) Направление и динамика распространения очевидны, как и следующая отсюда общая дата южносибирских экземпляров – не ранее второй четверти I тыс.

В данной версии на востоке волюты как таковые редки; фиксатор либо отсутствует, либо переходит, как и в Европе, на язычок, но выглядит иначе: пряжка из Орлатского могильника имела длинный язычок с округлыми выступами у переднего конца, почти целиком закрывавшими просвет рамки (рис.4б – 6, 6а). Возможно, позднейший этап развития таких язычков – на пряжках конца I тыс. из Приамурья и Приморья: пластинчатые язычки с мелким носком, который и входил в отверстие ремня; внешний контур рамки иной, сглаженный и прогнутый по бокам (рис.4б – 15), как у «типа U по Раддату». Проверить эту связь пока невозможно по недостатку материала (из вероятных связующих звеньев можно указать разве что длинные пряжки сходного контура, известные не по вещам, а лишь по реалиям ряда древнетюркских изваяний и среднеазиатских росписей; кроме того, существовали и шпеньковые пряжки сходного контура с пластинчатым заполнением рамки).

в) Таштыкские волюты.

Минусинские пряжки и просто рамки с волютами – все цельнолитые бронзовые. С.В. Киселёв и за ним Л.Р. Кызласов выводили волюты таштыкских пряжек из «волютового орнамента кольчатых тагарских ножей» (типа: ГЭ ОАБЕС № 5531/473, или Киселёв С.В., 1949, с.138, табл. XXIII – 13; ср. Киселёв С.В., 1949, с.243 и Кызласов Л.Р., 1960, с.40), но тагарские волюты нужно рассматривать в контексте культур скифского времени – скорее всего, это упрощение образа симметричных головок горного барана и т.п., встречающегося и на шпеньковых пряжках (Завитухина М.П., 1983, с.114, кат.45, 46), и не только на Енисее. В развитии этот мотив сводился к колечкам (а не волютам) в рамках (типа: ГЭ ОАБЕС 1296/87). Даже если этот зооморфный декор в целом и прототипичен для позднейших волют на пряжках, то прямой преемственности по минусинским находкам не прослеживается.

Таштыкские рамки с волютами бывают двух видов: «стандартные» (рис.3в), со шпеньком напротив волют, отходящих от основания рамки, и «обратные» со шпеньком на добавочной скобе (рис.3г). В основе обеих версий – сращиваемые со щитком той или иной стороной бляшки-«крендельки» – рамки с загнутыми внутрь окончаниями, нередкие в памятниках I тыс.; в таштыкских склепах такие «крендельки», кажется, пока не встречались, они известны в I тыс. н.э. по материалам других культур.

«Обратные» волюты размещали на двурамчатых пряжках и наконечниках (рис.1 – 1-4) или и в их одинарной версии (рис.3г – 1, Тепсей III, скл. 3; см.: Грязнов М.П., 1979, с.119, рис. 70 – 12-14; первая из указанных пряжек, рис.3г – 1, в публикации попала в сборную таблицу находок из разных склепов, Грязнов М.П., 1979, с.96, рис. 56 – 28, но входила, видимо, в тот же набор, что и другие; ср. ещё: рис. 3г – 2, Быстрая II, по: Поселянин А.И., 2003, с.276, рис. 1 – 2). «Обратные» волюты – и на изыхской пряжке с иным способом застёгивания (рис. 3г – 4, по: Кызласов Л.Р., 1960, с.37, рис. 7 – 9). Сюда же можно отнести: обкладку из золотой фольги с Койбальского чаатаса (рис.3г – 3; щитковая часть длинновата для перемычки между рамками, так что неясно, двурамчатой или одинарной была эта пряжка), фрагментированную золотую обкладку с Ташебы (рис.1 – 8) – и ещё, может быть, пряжку с ажурным псевдомеандром на щитке и повреждённой рамкой с Быстрой II (рис.2 – 22; по: Поселянин А.И., 2003, с.276, рис. 1 – 10; однозначно реконструировать рамку не удаётся).

Одинарные пряжки со «стандартными» волютами обычно имеют щитки с дугообразно фацетированными боковыми гранями, но есть исключения – например, пряжка из коллекции Радлова с составным щитком (рис.2 – 2, ажурный псевдомеандр и прямоугольный гладкий задний отдел со слабым фацетированием). Пряжки с «обратными» волютами в одинарной версии – с гладкими щитками, в двурамчатой – с обычным зубчатым декором продольных граней, с розетками на щитках или без декора.

На одинарных пряжках и «стандартные», и «обратные» волюты гипертрофировались, сливались, образуя «ножку» в точке соприкосновения (рис.3в – 3, 4), смыкались с рамкой (рис.3в – 1; рис.3г – 1), пространство между ними заполнялось вставками (рис.1 – 9, рис.3г – 4), и возникала система фигурных просветов. Развитие этой тенденции (уплощение изделия и перенос очертаний просветов между объёмными рамками и волютами – на прорези в пластинах) представлено позднейшими материалами из иных регионов; таштыкские волюты фиксируют формы ранних этапов этого развития, прототипичные для позднейшего декора «геральдических» бляшек и щитков с нефункциональным «носом» и характерным ажурным узором, на ранних типологических этапах устойчивым, а на поздних – часто разваливающимся в россыпь фигурных прорезей (Азбелев П.П., 1993, с.90, рис.1 – 1-9). Такой декор – рудимент волют, а не схема лица, как иногда считают вслед за В.Б. Ковалевской (Ковалевская В.Б., 1970). Подчеркну и здесь, что рассмотренный сложный ряд восстановлен с учётом «отражённых» периферийных проявлений.

Волюты таштыкских двурамчатых пряжек более стабильны; изменения заметны в основном на внешнем контуре: стык «шпеньковой» скобы и основной рамки сглаживался (рис.1 – 4) или, возможно, «сползал» к середине рамки, образуя чёткие выступы (рис.1 – 3; подобно тому, как волюты на необычных накладках из Минусинского музея «съехали» к середине рамки – рис.1 – 9). Аналогичные выступы бывают и на других типах пряжек («стандартных», см. Митько О.А., 2007, с.22, рис.22 – 4, или округлощитковых, см. Кызласов Л.Р., 1960, с.37, рис.7 – 1, 2, 5), но лишь развитие двурамчатых объясняет их появление.

Стремясь к симметричности фронтальной части пояса, на противоположной накладке («наконечнике») воспроизводили развёрнутые волюты с дополнительной скобой, уже нефункциональной, без шпенёка. На «наконечнике» из скл. 2 Ташебинского чаатаса такая дополнительная скоба уже слита с рамкой, а примыкающий к ней щиток слегка приострён, словно бы имитируя шпенёк (рис.1 – 3 vs 4; ср. рис. из альбома В.В. Радлова: Король Г.Г., 2008, с.322, табл.XL – 21). Симметричная ташебинскому наконечнику двурамчатая пряжка (рис.1 – 3) фиксирует и типологически (не обязательно хронологически) поздний синтез разных типов рамок – с «обратными» волютами и с Т-образной прорезью.

Двурамчатые пряжки и накладки «смонтированы» из тех же элементов, что и обычные пряжки: рамок с волютами и щитков с боковыми насечками. Есть накладки то ли с обломанными рамками, то ли специально изготовленные с «полурамками» (Кызласов Л.Р., 1960, с.37, рис.7 – 13; Савинов Д.Г., 1993, с.52, рис.4 – 4) – из нескольких таких неполных накладок, расположенных на ремне встык, складывалась та же композиция, что и из полных, но более гибкая (Азбелев П.П., 1993, с.90, рис.1 – 10 vs 11).

Если «стандартные» волюты имеют широкий круг аналогий, то обратная ориентировка – специфически таштыкское явление. Она типологически вторична и, видимо, придавалась

волютам для достижения симметричности декора фронтальной части пояса. Сходство «обратных» волют с хуннскими (типа: Давыдова А.В., 1985, с.106, рис.XIII – 17) – чисто внешнее: в основе хуннского мотива – совсем другие S-образные волюты.

г) Дальневосточные волюты.

Дальневосточные волюты известны как на пряжках (рис.4б – 14; ср. фото всего пояса: NMK, 2007, р.75; прорисуй фото: рис.5 – 1; большое спасибо А.В. Савельевой за помощь с литературой), так и на подвесках (рис.5 – 1-2: рис.6 – 2). Подвесные рамки – без шпеньков, порой приострѐнные, с мелкими отверстиями в рамках, через которые проволочками крепились дополнительные фигурные подвески, магатамы и т.п. Эти рамки и щитки, в отличие от таштыкских, никогда не отлиты вместе, они соединялись шарнирно – короткую скобу на задней части рамки охватывает загнутый выступ щитка. Именно эти шарнирные подвески (а не волюты) и акцентировал А.К. Амброз, привлекая корейские пояса к изучению евразийской традиции поясов с псевдопряжками (Амброз А.К., 1981, с.17).

На подвесных рамках изредка заметно обычное скручивание волют, прорези щитков геометризуются (рис.6 – 2б; ср. фото: Van Alpen J. 2008, р.178, кат. №1), но для межкультурных сопоставлений более значим другой признак трансформации. На корейских и японских подвесках и пряжках с волютами имеется обязательная деталь, резко специфичная для дальневосточных находок – внешние «рожки» у оснований рамок, направленные к шарниру. Что это за элемент?

Его происхождение выясняется благодаря рамкам (рис.5 – 2; см. о памятнике: Воробьѐв М.В., 1961, с.100-101 и рис.XXXII – 5), представляющим совершенно особый вариант развития ажурного декора: не редукция или гипертрофирование, а репликация волют – дополнительной внутренней рамкой, концентрически воспроизводящей внешнюю. Из сравнения внешней и внутренней рамок (рис.5 – 3) видно, что волюты внешней рамки, примыкая к дополнительной внутренней рамке, образовали на стыке контур «рамки с рожками», а затем – видимо, по соображениям композиционно-эстетического свойства – произошло обратное реплицирование: «рожки», образовавшиеся на стыке внешней и внутренней рамок, были «спроецированы» изнутри на внешний контур – т.е. основную наружную рамку уподобили декоративной внутренней. Новый элемент понравился, его стали воспроизводить и на подвесках с простыми рамками без внутренних реплицированных волют (рис.6 – 2а, б). При распространении нового мотива с подвесок на пряжки эти «рожки» на внешней рамке трактуются уже как отогнутые завершения длинных сторон трапециевидной части (это хорошо видно на рис.4 – 14); вышеприведѐнный обзор длиннорамчатых пряжек показывает, что предпосылок для появления данного признака в их общей истории нет, и здесь налицо именно результат реплицирования волют – новые формы образуются не «из ниоткуда», а из рекомбинации уже существующих элементов.

При заимствовании корейских типов в Японии «рожки» рамок не терялись. Идентичные бляхи с «рожками» у основания подвесных рамок есть в японских памятниках периода кофун (Воробьѐв М.В., 1958, рис.XXIX – 1, 12; Воробьѐв М.В., 1961, рис.XXXIX – 14, 15). Сам же узор из «концентрических» волют перешѐл ещё и на кольчатые навершия рукоятей мечей – *канто-но тати касира* (Воробьѐв М.В., 1958, рис.XXVI – 12; Баженов А.Г., 2001, рис. на с.14-16, 20; Киддер Дж.Э, 2003, с.221, рис.45). Декор мечей *канто-но тати*, связываемых с континентальными влияниями (о силланско-японских связях см.: Воробьѐв М.В., 1961, с.124), среди прочих мотивов представляет и дальнейшее развитие волютового декора: крупные волюты распадаются на пары мелких (т.е. продолжается их репликация, рис.5 – 4), порой деформируются в кольца (рис.5 – 7), и из этой ажурной «мозаики» мастера иногда складывали схему традиционного образа драконов с жемчужиной (рис.5 – 5, 6).

д) Выводы о волютах.

Таким образом, ажурный волютовый декор развивался по функциональному и декоративному направлениям. В первом случае волюты редуцировались, деградировали, сливались с рамкой или язычком, смотря по типу фиксации ремня, во втором – гипертрофировались или реплицировались. Европейские язычковые шарнирные рамки с волютами представляют одну «ветвь» развития элементов ажурного декора (деградация, редукция), цельнолитые таштыкские – другую (гипертрофирование), а шарнирные дальневосточные – третью (реплицирование). Таштыкские пряжки не имеют ни признаков

реплицирования волют, ни тем более «рожек» у основания рамки, а на дальневосточных рамках этой группы нет ни редукции, ни спрямления волют. Везде образуются особые местные формы, неизвестные в других регионах или проникающие туда много позже.

Отсюда следует, что:

а) разделение «ветвей» развития волютового декора относится ко времени до начала трансформации волют – вероятно, к хуннской эпохе;

б) эти «ветви» с момента их разделения развивались независимо одна от другой.

Таштыкские и дальневосточные волютовые рамки относятся к чётко обособленным «ветвям» развития декора (единственное сходство – эпизодическое скручивание волют в колечки, не слишком специфичное для значимых сравнений), и с ни о прямом, ни об опосредованном заимствовании принадлежностей поясного набора здесь говорить не приходится. Корейская линия сопоставлений для таштыкских поясных принадлежностей – типологически, на уровне морфологии элементов набора, «не работает».

2. Композиции поясов

Корейские и таштыкские пояса.

Для полноты картины следует сравнить не только элементы наборов, но и составляемую из них композицию – зримый образ пояса, прежде всего и воспроизводимый при заимствовании (если, конечно, оно имело место в реальности). Но и на этом уровне сопоставлений таштыкские и корейские наборы совершенно не похожи (рис.6 – 1 vs 2). Корейские пояса выглядели как сверкающие металлические ленты с «бахромой» из функциональных подвесных рамок, а таштыкский пояс смотрелся своеобразной плоской цепью из посаженных с интервалами округлых блях с редкими декоративными «вставками». Это совершенно разные композиции, и аналогичными их признать нельзя.

Традиция «ленточных» поясов специфична для дальневосточных культур; она существовала в раннем средневековье только здесь и сохранялась ещё очень долго, а её композиционным принципом всегда (и независимо от того, застёгивался пояс или завязывался) оставалось сплошное заполнение поверхности ремня подквадратными ажурными накладками без дополнительных элементов между ними (ср. приамурские и приморские пояса предмонгольского времени, рис.6 – 2а-б vs 3, 4).

Таштыкская композиция поясных наборов.

а) Принцип композитности.

Чтобы понять феномен таштыкского пояса, нужно учесть типогенетические обстоятельства, чётче проявляющиеся в сложнофигурных изделиях, для которых могут быть указаны ясные прототипы. Важнейший принцип типобразования таштыкских поясных принадлежностей – имитация составной композиции цельнолитой вещью сложной формы. Изделия, существовавшие как особые предметные типы, «сращиваются» либо продольно, по одной оси, либо перпендикулярно одно к другому.

Так появились и наиболее распространённые цельнолитые пряжки (Азбелев П.П., 1992), и крестовидные распределители ремней, и поясные «вставки», накладки и пряжки с боковыми рамками (Азбелев П.П., 2008г), и представленные пока единственной находкой цельнолитые накладки – имитации рамчато-двущитковых композиций, т.н. «блоков» (Азбелев П.П., 2008б, с.66, 72, рис.1в). Распределители и накладка имеют аналоги в фоминских материалах (Ширин Ю.В., 2003, с.171, табл.VII – 5; с.251, табл.LXXXVII – 4; эти параллели требуют особого изучения, выходящего за рамки данной работы). Принцип цельнолитой имитации составных прототипов привёл и к появлению специфических двух- и трёхрамчатых поясных накладок, представляющих собой композиции из чередующихся крупных округлых (бляшки-«крендельки») и мелких прямоугольных частей.

Лучевая версия этого же принципа представлена колесовидной портупейной бляхой с Верхнего Чумыша (Азбелев П.П., 2008г, с.125-126); продольная – т.н. «подвесками-псевдопряжками» (Панкова С.В., 2003, с.272, рис.; к этой сводке нужно добавить:

Деревянко Е.И., 1977, с.191, табл. XXVII – 8, 17), обычно включающими как составной элемент и бляшки-«крэндельки» с волютами, гипертрофированными иногда уже в спирали.

Принцип жёсткой компоновки сложных форм из простых элементов в южносибирских культурах словно бы застыл на ранних этапах своей истории. Но в других регионах его развитие не останавливалось. Тот же типогенетический принцип (в продольной и лучевой версиях с общим уплощением изделий) стал одним из стилиобразующих для фурнитуры геральдического стиля (Азбелев П.П., 2008в, с.289). Наконец, применение именно этого принципа породило, например, такие характерные для древнетюркской эпохи типы, как Т-образные и трёхлучевые (уздечные и портупейные) распределители ремней.

Столь широкое распространение данного типогенетического механизма не позволяет считать его лишь приёмом «из арсенала» таштыкского погребального моделирования: несомненно, цельно-композиционные изделия бытовали и в повседневной жизни.

б) Таштыкские и «круглобляшечные» пояса.

При таком взгляде становится понятно, как преодолеть типологическую уникальность таштыкского пояса. Решающее значение имеет не частная морфология деталей, а воспроизводимая их совокупностью общая композиция набора – чередование округлых блях с прямоугольными, причём округлые элементы (рамки с волютами) крупнее и приподняты (см. боковые виды на рис.1 – 3, 4), а прямоугольные имеют подчинённое значение, лишь заполняя пространство между образующими основу композиции округлыми рамками.

Поясные наборы из округлых бляшек хорошо известны в азиатских материалах древнетюркской эпохи и ранее – первой половины I тыс. н.э. Наиболее древние в I тыс. её образцы – тиллятепинский пояс из погр. 4 (рис.7 – 1); симметричные элементы фронтальной части «парфянского пояса» из музеев Метрополитэн и Британского, колл. Дж.П. Моргана (Черников С.С., 1965, с.140, фото); пояс, изображённый на статуе бодисатвы из 2-го храма в Дальверзин-тепе (Пугаченкова Г.А., 1989, с.14, фото; Тургунов Б.А., 1989, с.90-92, фото), причём здесь округлые бляшки украшают не только пояс, но и другие части костюма, и расположены встык без промежутков, подтверждая тезис о второстепенности прямоугольных элементов. На сасанидских рельефах такие пояса носят цари, а на афрасиабских и восточнотуркестанских росписях – знатные тюрки (Аржанцева И.А., 1987, Yatsenko S.A., 2004). Пояса с каменными и металлическими округлыми бляшками известны в китайских и сино-согдийских могилах середины – третьей четверти I тыс. н.э. (ср. пояс из могилы сабао Аньцзя 570-х гг., Anjia tomb, 2003, p.63). На Алтае «круглобляшечные» наборы найдены на могильниках Кок-Паш и Кудыргэ (рис.7 – 3, 4), а в Восточном Казахстане доживают до рубежа тысячелетий (Арсланова Ф.Х., 1969, с.44, рис.1 – 2). Позднейшее «эхо» традиции «круглобляшечных» поясов – басандайские и др. круглые бляхи, уже с обычными для предмонгольского времени выносными скобами для подвесок (Басандайка, с.270, табл.55 – 22, 25; Кызласов И.Л., 1980, с.90, рис.8 – 1, 2).

Круглобляшечные пояса были ведущим типом во времена Первого каганата; я предполагаю, что именно они были одним из центральных элементов государственной культуры ашина – элитного рода, вставшего во главе тюркской державы. На следующем, катандинском этапе развития восточнотюркских культур, в эпоху телеских ханств и Второго каганата, «круглобляшечные» композиции существуют уже не в чистом виде, а в сочетании с более распространёнными в это время «геометрическими» бляхами. У западных тюрков круглобляшечные пояса бытовали дольше, чем у восточных. В общих чертах история таких поясов сводится к постепенному разрушению исходной древней композиции: наборы из круглых бляшек всё больше «разбавляются» изделиями посторонних типов, и наконец круглые бляшки становятся преимущественно второстепенным элементом.

Место таштыкских поясов в этом ряду вполне очевидно. Из сравнения с этими поясами таштыкского набора (рис.7 – 2 vs 1, 3, 4) видно, что в нём, с одной стороны, элементы исходной композиции имитированы «подробнее» – не только круглые бляхи, но и заполнение пространства между ними; с другой стороны, имитация выполнена из элементов, типологически весьма далёких от бляшек как прототипичной, так и древнетюркской композиций; кроме того, в тюркских «круглобляшечных» наборах уже не проявлялся принцип композитности. Кыргызы-*цигу*, на алтайском этапе истории раннетюркских племён (после

460 г.) поселившиеся между Абаканом и Енисеем и оставившие таштыкские склепы (Савинов Д.Г., 1988; Азбелев П.П., 2008д), явно не входили в число первых носителей традиции «круглобляшечных» поясов: они лишь внешне воспроизвели их облик из привычных для себя элементов и привычным для себя способом, создав совершенно своеобразную разновидность поясов данного типа.

Заключение

Итак, таштыкский наборный пояс – это периферийная имитация ранних версий круглобляшечной композиции, воплощённой при помощи предметных типов различного происхождения с широким применением «принципа композитности» и эпизодическим использованием в декоре хуннских элементов. Прототипов таштыкского пояса и его элементов на Енисее нет; их поиск, как и детальный разбор исторических обстоятельств сложения культуры таштыкских склепов, составляет особую задачу, связанную с изучением истоков «принципа композитности» и путей распространения европейских и среднеазиатских типов на восток в первые века н.э.

Скорее всего, в таштыкской культуре бытовали два типа поясов: «парадный», из двурамчатых блях с символическими «подвесками» – вставными нефункциональными рамками, и «функциональный» – с неясной пока композицией и настоящими подвесными ремешками. В пользу такого предположения, кроме уже приведённых типологических наблюдений, говорят таштыкские гравировки «ошкольской группы» (о них см.: Азбелев П.П., 2008д, с.462-463, там же в прим.12 лит. вопроса; благодарю С.В. Панкову за обсуждение вопроса и ознакомление с неопубликованными фотоматериалами). Рисунки схематичны, но на них различимы «парадные» пояса с двурамчатыми элементами (рис.8 – 1, 2 vs 3), и подвесные ремешки «функциональных» поясов. Чем застёгнуты последние – не видно, зато в одной подвеске опознаётся В-образная пряжка (рис.8 – 1a vs 4-6), другая – напоминает пряжку с трапециевидно-вогнутой рамкой, условно изображённой в виде двух треугольников, сомкнутых вершинами (?). В других случаях показаны подвески, завершающиеся, на мой взгляд, кольчатыми рамками (рис.8 – 2 vs 7-8). Но такие рамки свойственны и «вставкам» «парадных» поясов (рис.1 – 7, 9), и поэтому не исключено, что вернее трактовка С.В. Панковой (Панкова С.В., 2002), сравнившей эти подвески с витыми цепочками (рис.8 – 2 vs 9-10); против этой версии – избыточное количество изображённых «цепочек» и то, что сами предметы, для подвешивания которых и нужны «цепочки» (ср. обзоры: Вадецкая Э.Б., 1999, с.124; Николаев Н.Н., 2000, с.75-78), не показаны. Т.о., реалии, различимые на этих гравировках, не всегда опознаются однозначно, но во всех реалистичных «прочтениях» это таштыкские вещи. На нижнем поясе в одном случае (рис.8 – 2) видна круглая бляшка, но можно ли отсюда делать какие-то выводы, неясно.

Сравнение ошкольских изображений с другими таштыкскими рисунками убеждает в том, что использование «парадных» наборных поясов было свойственно лишь одной из социальных групп таштыкского общества. Её соотношение с прочими группами на местных материалах не выясняется, но по аналогии с другими культурами можно думать, что наборный пояс был знаком высокого социального статуса.

В отличие от менее «семантизированных» элементов культуры, таштыкские пояса не могли пережить культурную трансформацию, сопровождавшую становление государства енисейских кыргызов в середине (второй трети) VII в., когда таштыкское население оказалось на втором уровне социальной иерархии после аристократической группы, хоронившей под оградами «типа чаатас». Поскольку с престижными «парадными» поясами явно связаны лишь валютные рамки, постольку отсутствие в склепе двурамчатых пряжек и накладок с валютами косвенно указывает на возможность относительно поздней даты (хотя прямо датировать по отсутствию признака, разумеется, недопустимо). Вместе с тем кыргызские пояса VII-VIII вв. неизвестны, и установить время отмирания таштыкской поясной традиции пока невозможно; в склепе Арбанского чаатаса (второй четверти VII в., см. о датировке: Азбелев П.П., 2008а, с.56-62) пряжек уже не было. Решение этого вопроса нужно отложить до появления подробных разработок хронологии склепов и других типов минусинских памятников эпохи раннего средневековья.

Библиографический список

1. Азбелев, П.П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края / П.П. Азбелев. – Красноярск, 1992. – Т. II. – С.48-52.
2. Азбелев, П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник / П.П. Азбелев. – СПб, 1993. – Вып. 3. – С.89-93.
3. Азбелев, П.П. Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / П.П. Азбелев. – СПб, 2008. – С.56-68.
4. Азбелев, П.П. Хуннские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / П.П. Азбелев. – Горно-Алтайск, 2008б. – Выпуск 7. – С.66-75.
5. Азбелев, П.П. К систематике поясных наборов древнетюркской эпохи // Жилище и одежда как феномен этнической культуры. Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений / П.П. Азбелев. – СПб, 2008в. – С.285-290.
6. Азбелев, П.П. Таштыкские крестовидные распределители ремней // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст / П.П. Азбелев. – СПб, 2008г. – С.122-127.
7. Азбелев, П.П. Первые кыргызы на Енисее // Вестник СПбГУ / П.П. Азбелев. – 2008д. – Серия 12. – Вып. 4. – С.461-469.
8. Амброз, А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА / А.К. Амброз. – 1971. – №3. – Ч. II. – С.106-134.
9. Амброз, А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР / А.К. Амброз. – М., 1981. – С.10-23.
10. Амброз, А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. / А.К. Амброз. – М., 1989. – 134 с.
11. Арсланова, Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Ф.Х. Арсланова. – Алма-Ата, 1969. С.43-57.
12. Аржанцева, И.А. Пояса на росписях Афрасиаба // История материальной культуры Узбекистана / И.А. Аржанцева. – Ташкент, 1987. – Вып.31. – С.106-122.
13. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: 1947 (на обложке – 1948). – 308 с.
14. Баженов, А.Г. История японского меча / А.Г. Баженов. – СПб, 2001. – 264 с.
15. Вадецкая, Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / Э.Б. Вадецкая. – СПб, 1999. – 440 с.
16. Воробьев, М.В. Древняя Япония: Историко-археологический очерк / М.В. Воробьев. – М., 1958. – 183 с.
17. Воробьев, М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк) / М.В. Воробьев. – М., 1961. – 194 с.
18. Грязнов, М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов. – Новосибирск, 1979. С.89-146.
19. Давыдова, А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье / А.В. Давыдова. – Л., 1985. – 111 с.

20. Деревянко, Е.И. Троицкий могильник / Е.И. Деревянко. – Новосибирск, 1977. – 224 с.
21. Завитухина, М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции / М.П. Завитухина. – Л.: «Искусство», Лен. отд., 1983. – 192 с.
22. Киддер, Дж.Э. Япония до буддизма. Острова, заселённые богами / Дж.Э. Киддер. – М., 2003. – 286 с.
23. Киселёв, С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР / С.В. Киселёв. – М.-Л., 1949. – № 9. – 364 с.
24. Ковалевская, В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии / В.Б. Ковалевская. – М., 1970. – С.144-155.
25. Король, Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Г.Г. Король. – М. – Кемерово, 2008. – 332 с. (Труды САИПИ, вып. V).
26. Кулаков, В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. // САИ / В.И. Кулаков. – М., 1990. – Вып. – Г1-9. – 168 с.
27. Кызласов, И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племён в XIII в. // СА / И.Л. Кызласов. – 1980. – № 2. – С.80-93.
28. Кызласов, Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.) / Л.Р. Кызласов. – М., 1960. – 198 с.
29. Митько, О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс II. Материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа № 8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края / О.А. Митько. – Новосибирск, 2000. – С.39-61.
30. Николаев, Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского / Н.Н. Николаев. – СПб, 2000. – С.70-84.
31. Панкова, С.В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции / С.В. Панкова. – Новосибирск, 2002. – Том 2. – С.135-140.
32. Панкова, С.В. «Подвески-псевдопряжки» в средневековых памятниках Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / С.В. Панкова. – СПб, 2003 (на обложке – 2002). – Кн. II. – С.271-274.

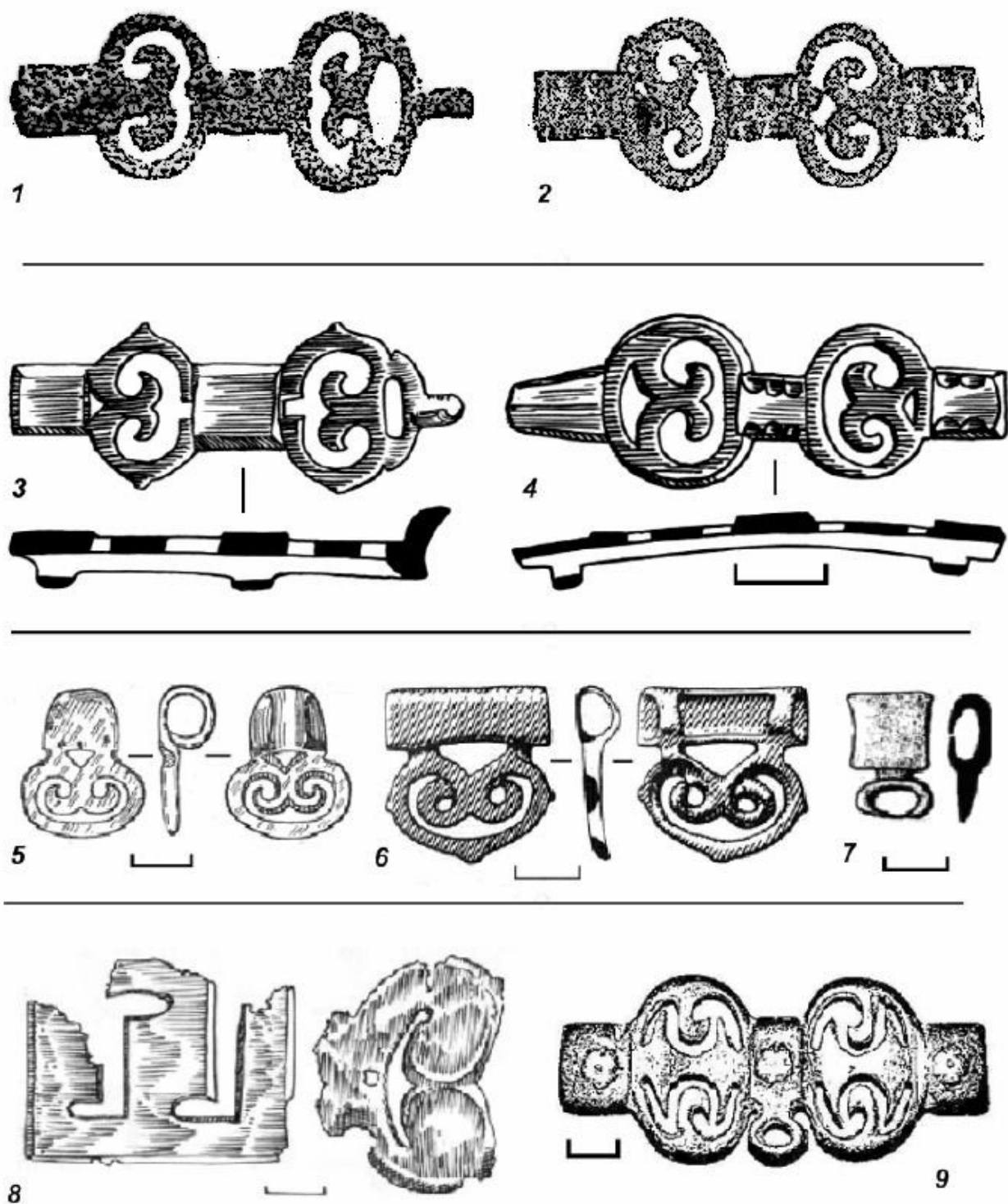

Рис.1 Элементы таштыкских поясных наборов.

1, 2 — Уйбатский чаатас, скл.5 (без масштаба); 3, 4 — Ташебинский чаатас, скл.2; 5 — Изыхский чаатас, скл.2; 6 — Красная Грива, скл.1; 7 — Быстрая II, склеп; 8 — Ташебинский чаатас, скл.1; 9 — сборки, ММ № А8468.

По С.В. Киселёву, Э.Б. Вадецкой, Л.Р. Кызласову, А.И. Поселянину, также рис. автора.

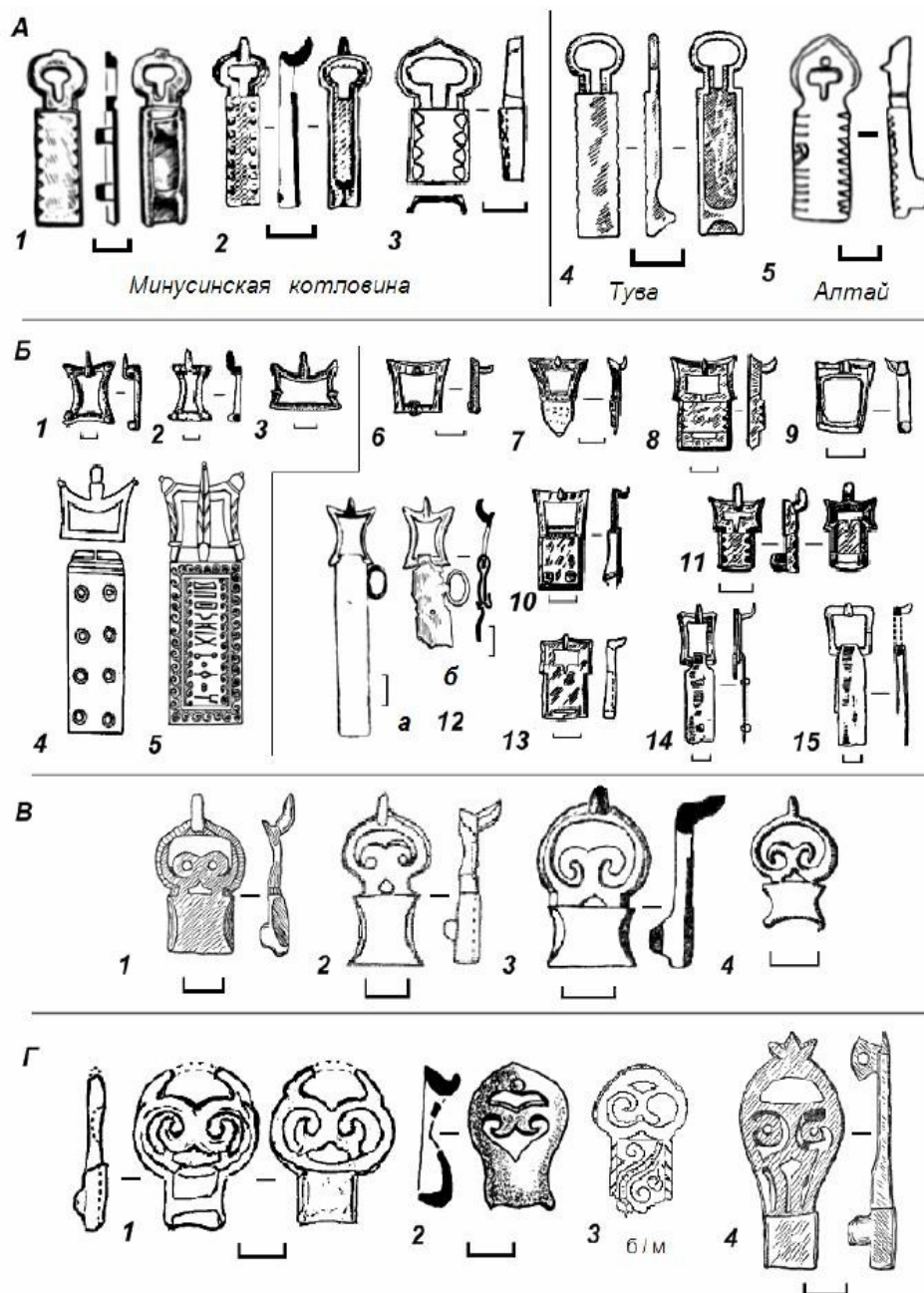
ЩИТКИ → РАМКИ ↓		1	2	3	4	5	6	7	0
1									
2									
3									
4									
5									
6									
7									
8									
9									
		1	2	3	4	5	6	7	8

Рис.2 Систематика таштыкских пряжек.

1, 4, 5, 6 — Изыхский чаатас, скл.2; 1a — Тепсей III, скл.3; 2 — колл. В.В. Радлова (ГЭ ОАВЕС 1123/257); 21, 22 — Быстрая II; 3 — Койбальский чаатас, склеп; 7, 14, 15, 15a — Усть-Тесь; 8-12 — Изыхский чаатас, скл.1; 13, 16, 18, 19 — Сырский чаатас, скл.1; 17 — Тепсей III, скл. 2.

По С.В. Киселёву, Л.Р. Кызласову, Э.Б. Вадецкой, И.И. Таштандинову, А.И. Поселянину, С.В. Панковой, также рис. автора. Масштаб разный.

Рис.3
Типы

таштыкских пряжек и их происхождение.

А — цельнолитые таштыкские пряжки и их южносибирские аналоги: 1 — Усть-Тесь; 2 — Степновка; 3 — ГЭ ОАВЕС № 5531/1380; 4 — Кокэль; 5 — Степной Чумыш.

Б — пряжки с трапециевидными рамками: 1 — Беяус; 2 — Неаполь Скифский; 3 — Колоколин; 4 — провинциально-римский тип (б/м); 5 — Вади-Дура, Йемен (9,5 см); 6, 7, 10 — Изыхский чаатас, скл.1; 8, 11, 13 — Сырский чаатас, скл.1; 9 — Тепсей III, скл.2 (ГЭ ОАВЕС № 2616/133); 12 — Усть-Тесь, скл.1 (а — 1929, б — 1999); 14-15 — Кокэль.

В — пряжки со «стандартными» волютами: 1 — Изыхский чаатас, скл.2; 2 — Тепсей IV, скл.4; 3 — Тепсей III, скл.3 (ГЭ ОАВЕС № 2616/254); 4 — Усть-Тесь, скл.3.

Г — пряжки с «обратными» волютами: 1 — Тепсей III, скл. 3 (ГЭ ОАВЕС № 2616/19); 2 — Быстрая II (возможно, рис. неточен); 3 — Койбальский чаатас; 4 — Изыхский чаатас, скл.2.

По Д.Г. Савинову, В.П. Дьяконовой, А.П. Уманскому, О.Д. Дашевской, И.П. Русановой, М.Б. Щукину, Ж.-Ф. Бретону, Л.Р. Кызласову, С.В. Киселёву, М.П. Грязнову, Э.Б. Вадецкой, И.И. Таштандинову, А.И. Поселянину, также рис. автора.

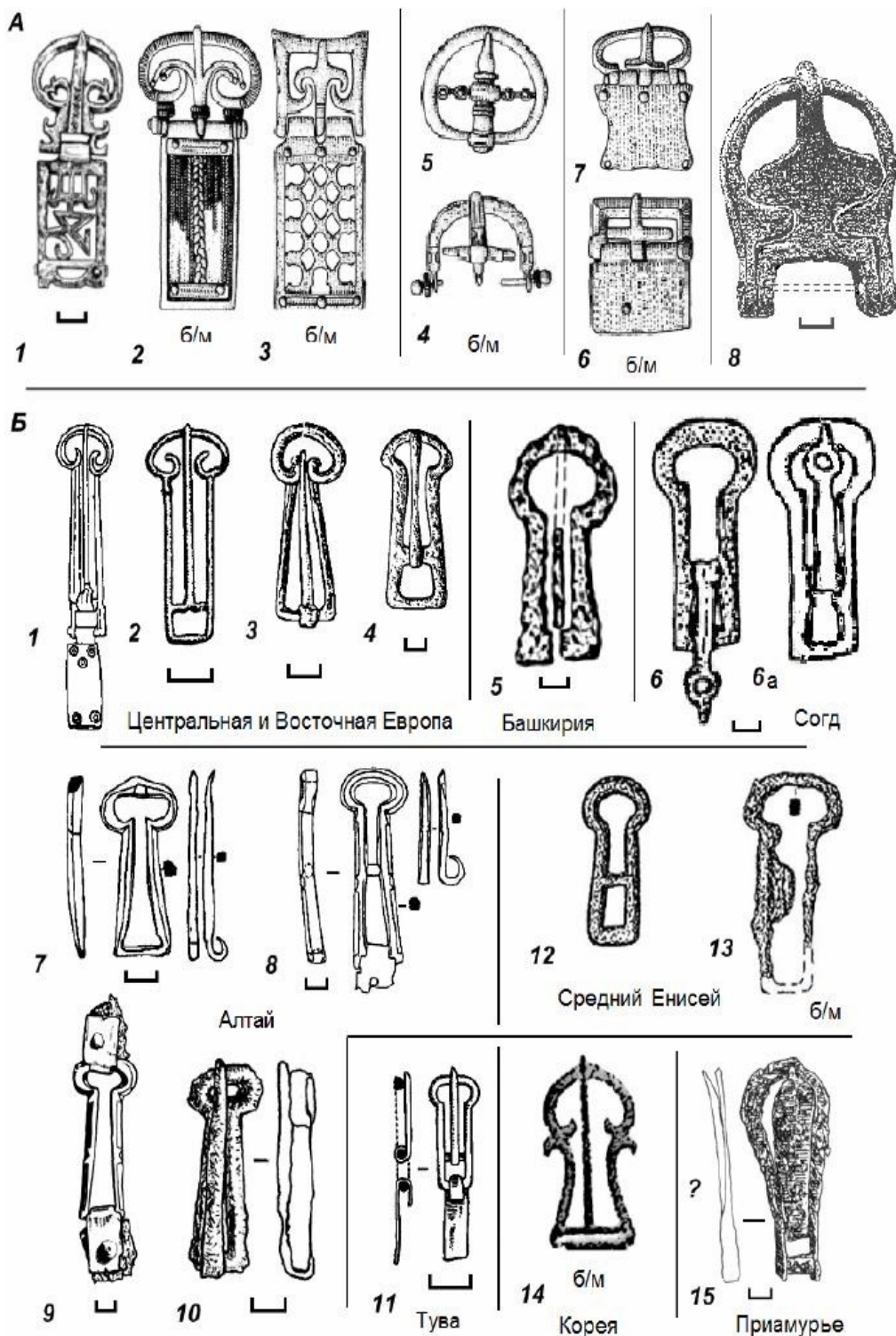

Рис.4 Пряжки с волютами и связанные типы.

А — Европейские пряжки с волютами и их развитие (1 — по Е.М. Алексеевой, 2-7 — по R. Madyda-Legutko, 8 — Средний Енисей, сборы, рис. автора). Б — Длиннорамчатые пряжки. 1 — «маркоманская» пряжка типа С по Раддату (рис. по М.Б. Шукину); 2 — Лучка (по И.П. Русановой); 3 — Нижний Джулат (по М.П. Абрамовой); 6 — Золотобалтовский мог-к, Крым (по О.Д. Дашевской); 5 — Ново-Сасыкуль, Башкирия (по С.М. Васюткину, В.К. Калинину); 6 — Орлат (по Г.А. Пугаченковой, 6а — с элементами реконструкции); 7-9 — Балыктыюль (ГЭ ОАВЕС №№ 2815/13-14; 7-8 — рис. автора, 9 — по С.С. Сорокину); 10 — Усть-Абинский мог-к (по Ю.В. Ширину); 11 — Кокэль, Тува (по В.П. Дьяконовой); 12-13 — Минусинская котловина (12 — сборы, 13 — Староозначенская Переправа I; по Ю.В. Тетерину) 14 — Корея, Силла (по NМК, 2007); 15 — Корсаковский могильник (по В.Е. Медедеву).

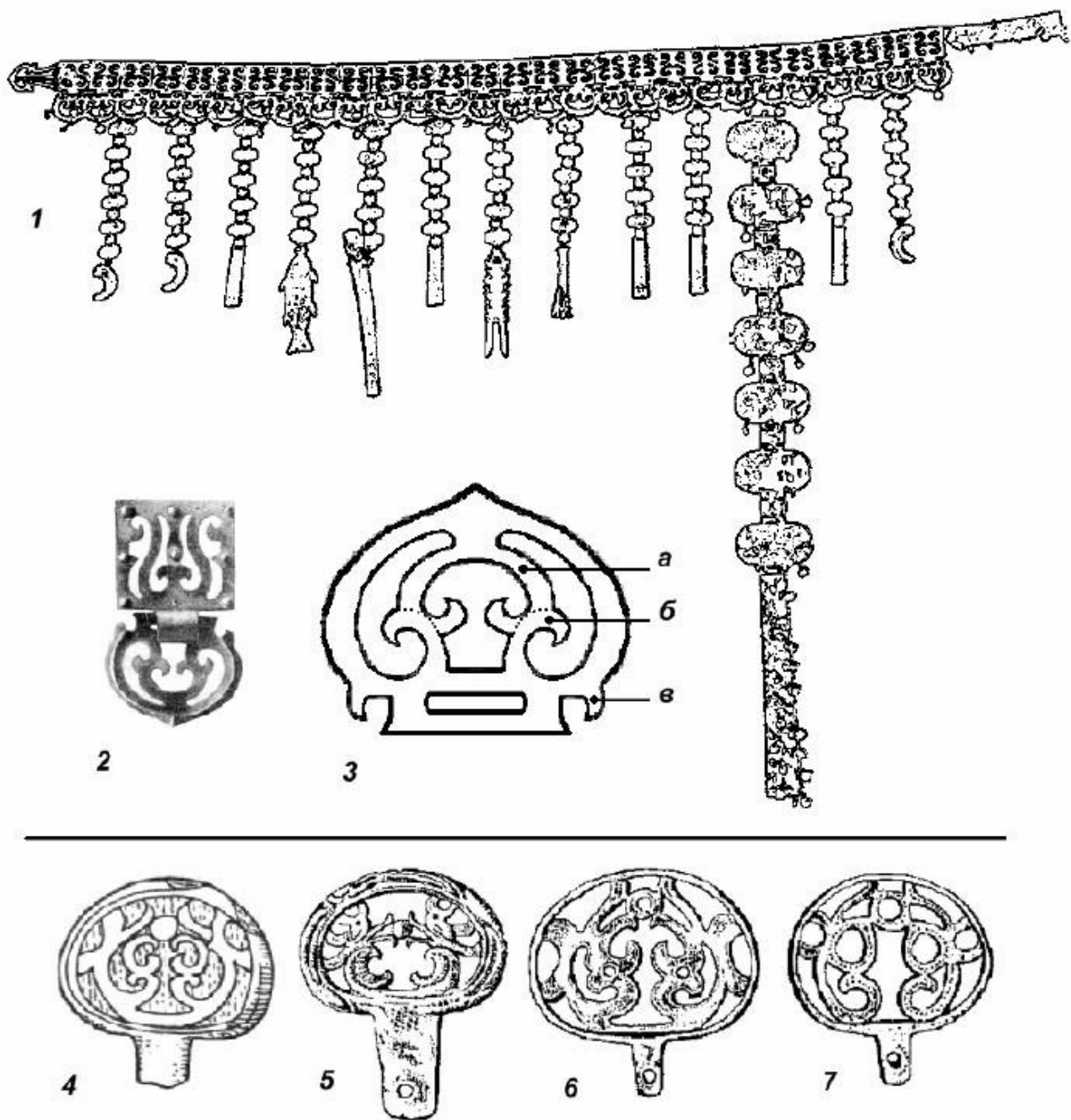

Рис.5 Дальневосточные волюты.

1 — пояс с волютовой пряжкой и подвесками, курган Хваннамдэчхон, Кёнджу, пров. Кёнсан-Пукто, Корея, царство Силла (рис. по фото из NMK, 2007); 3 — кург. № 1 близ дер. Сонсан в пров. Чхунчон-намдо, Корея, царство Пэкче (по М.В. Воробьёву); 4 — типогенетическая схема для корейских рамок с репликацией волют, рис. автора (*a* — дополнительная внутренняя рамка; *b* — образование «рожек» на стыке внешней и внутренней рамок; *v* — проекция «рожек» на внешнюю рамку); 5 — ажурный декор мечей *канто-но тати*, Япония, кофун (по М.В. Воробьёву, Дж.Э. Киддеру). Масштаб разный.

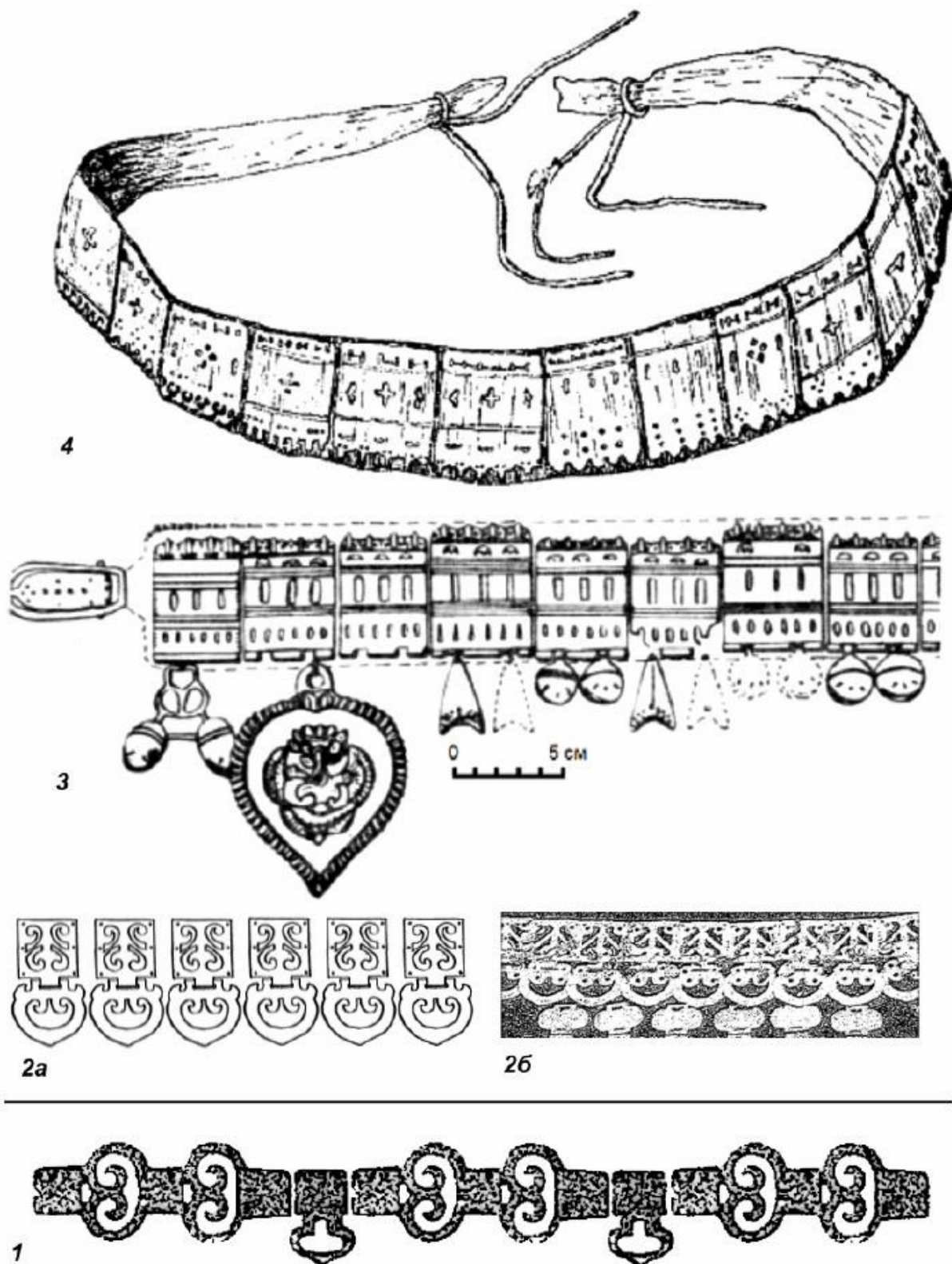

Рис.6 Таштыкский и дальневосточные поясные наборы.

1 — Уйбатский чаатас, скл.5 (схема по публ. С.В. Киселёва); 2 — корейский пояс (а — схема по публ. М.В. Воробьёва, б — рис. по фото из: Van Alphen, J. 2008). Поздние приамурские пояса: 3 — Корсаковский могильник, 4 — Надеждинский могильник (по В.Е. Медведеву). Масштаб разный.

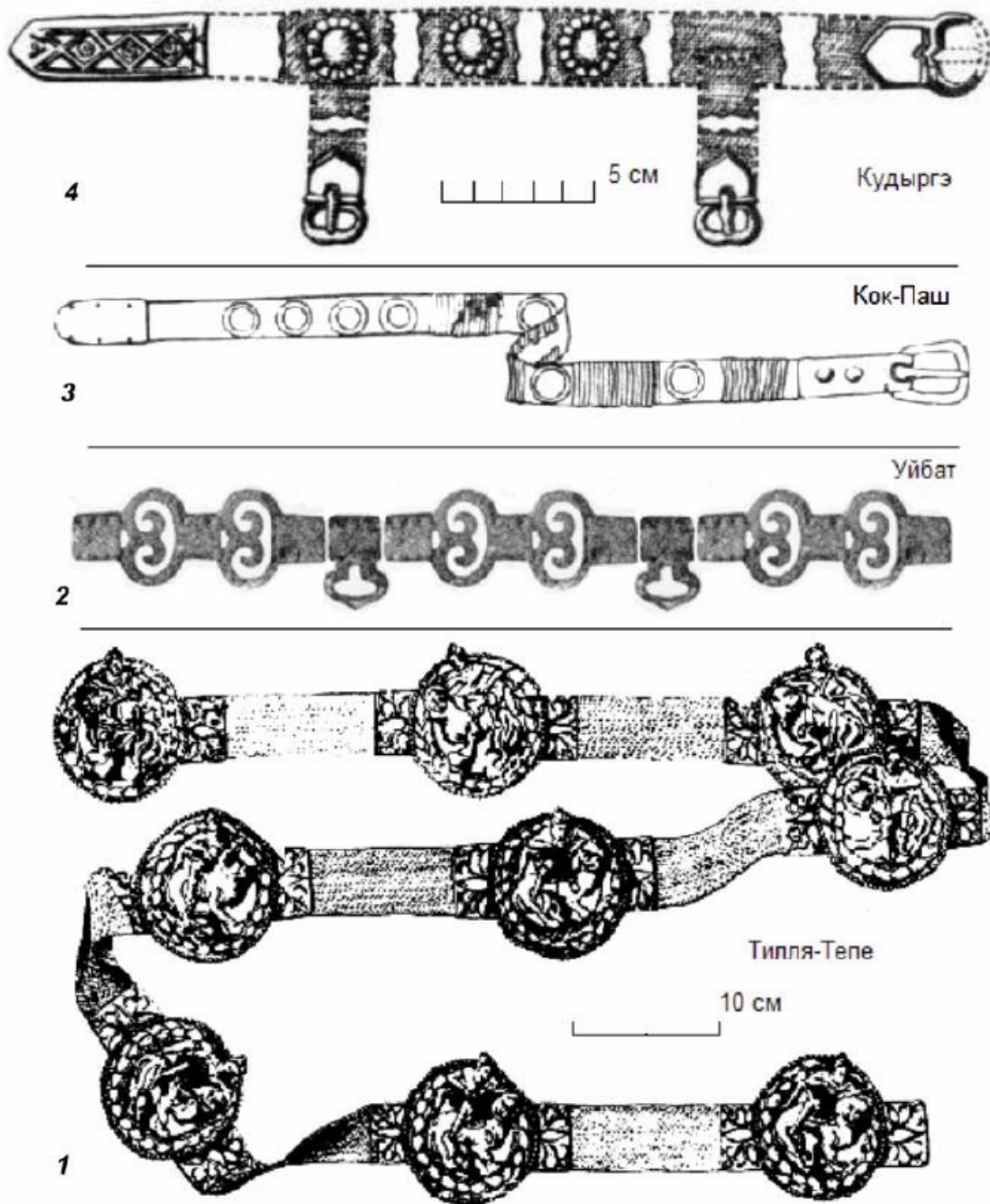

Рис.7 Таштыкский и «круглобляшечные» поясные наборы.

1 — Тилля-тепе, погр.4 (по В.И. Сарияниди); 2 — Уйбатский чаатас, скл.5 (на основе фото из публ. С.В. Киселёва); 3 — Кок-Паш, реконструкция (по А.С. Васютину); 4 — Кудыргэ, реконструкция (по В.А. Могильникову). Масштаб разный.

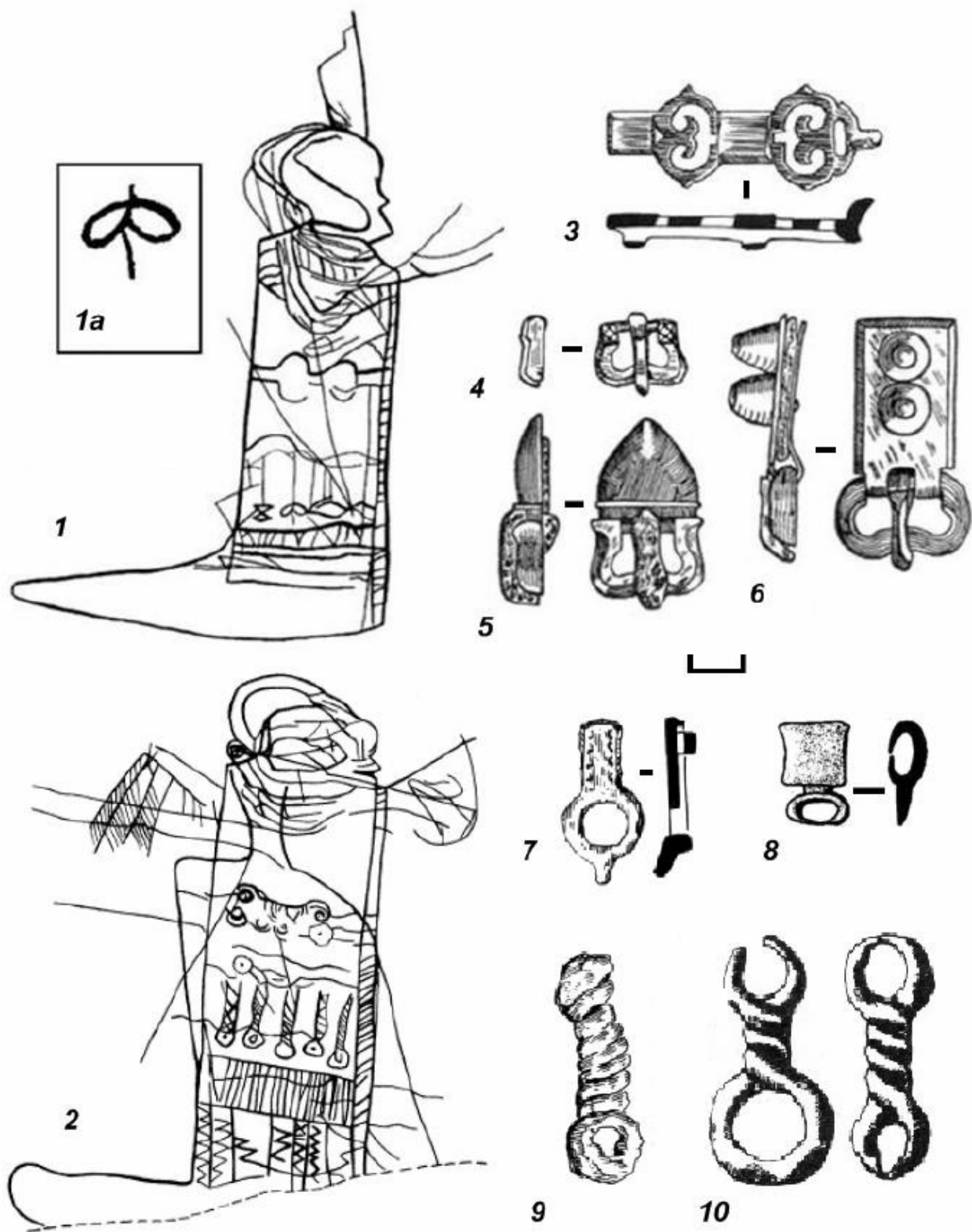

Рис.8 Таштыкские гравировки с изображениями поясов.

1-2 — Ошкольская писаница, высота фигур 16,5 и 15,5 см. (по С.В. Панковой).

3-10 — аналогии реалиям (3 — Ташебинский чаатас, скл.2; 4 — Сырский чаатас, скл.1; 5, 6 — Изыкский чаатас, скл.1; 7, 9 — Усть-Тесь, скл.1; 8 — Быстрая II, скл.1; 10 — Думная гора, скл.4). По Э.Б. Вадецкой, Л.Р. Кызласову, А.И. Поселянину. Масштаб только для вещей.

33. Поселянин, А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая II на Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / А.И. Поселянин. – СПб, 2003 (на обложке – 2002). – Кн. II. – С. 274-278.
34. Пугаченкова, Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана в свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / Г.А. Пугаченкова. – Ташкент, 1989. – С. 7-28.
35. Савинов, Д.Г. Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / Д.Г. Савинов. – Абакан, 1988. – С. 64-74.
36. Савинов, Д.Г. Таштыкский склеп Степновка II на юге Хакасии // Археологические вести / Д.Г. Савинов. – СПб, 1993. – Вып. 2. – С. 44-47.
37. Тургунов, Б.А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение) // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана в свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / Б.А. Тургунов. – Ташкент, 1989. – С. 81-95.
38. Черников, С.С. Загадка Золотого кургана / С.С. Черников. – М., 1965. – 190 с.
39. Ширин, Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры) / Ю.В. Ширин. – Новокузнецк, 2003. – 288 с.
40. Щукин, М.Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ / М.Б. Щукин. – Л., 1991. – Вып. 31. С. 91-106.
41. Anjia tomb, Anjia tomb of Northern Zhou at Xi'an (With an English Abstract). By Shaanxi Provincial Institute of Archaeology / Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. – Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2003. – 113 с. + альбом, на кит. яз.
42. Breton J.-F. etc, Trésors du Wādī Dura' (République du Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya / Bibliothèque archéologique et historique / Jean-François Breton. – Paris, 1993. – Т. CXXI. – 110 pp. Pl. 1-41.
43. NMK, National Museum of Korea. Published by Cultural Foundation of National Museum of Korea. – Seoul, 2007. ISBN 978-89-960499-6-8.
44. Raddatz, K. Der Thorsberger Moorfund: Gürtelteile und Körperschmuck / Klaus Raddatz. – Neumünster, 1957. – 158 S. Taf. 1-20, Kart. 1-15.
45. Van Alpen, J. The smile of Buddha: 1600 years of Buddhist art in Korea / Jan Van Alpen. – Brussels: Centre for Fine Arts, 2008. – 255 pp. (каталог временной выставки 10.10.2008 – 18.01.2009).
46. Yatsenko, S.A. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7th c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source // Transoxiana / S.A. Yatsenko. – Roma, 2004. – № 8.